

Глава 1

Среди ночи ее разбудил стук в окно. Полина открыла глаза и некоторое время лежала без движения, привыкая к полумраку. В боковое окно комнаты заглядывала луна, и свет, отраженный от снега, искрился на плоскости стола. Стук мог присниться. Столько раз ее будил этот стук в ночи, что стал мерещиться. Полина не торопилась покидать уютное тепло постели, ногами чувствуя приятную тяжесть котенка. Стук повторился. Он был негромким, осторожным, но настойчивым. Пришлось выбираться из нагретой «берлоги», шлепать босыми ногами по студеному полу. Прильнула к окну. На ровной белой глади двора шевельнулась тень.

Полина набросила шаль и сунула ноги в тапочки. В сенях остановилась, прислушиваясь к скрипу снега во дворе.

— Кто там?

— Полина, открой. Помощь нужна.

По голосу не разобрала, кто из мужиков вздумал поднять ее среди ночи. Но решила открыть. Знала — не потехи ради притащились к ней в февральскую морозную ночь. Стараясь не приморозить пальцы, рывком отодвинула щеколду и отошла, впуская неожиданных гостей. Их оказалось двое. Первым ввалился Игорь Гуськов — боком, неловко со-

гнувшись. Следом, в клубах морозного пара, возник его старший брат Павел. Закрывая за ними дверь, Полина заметила на половицах дорожку из бурых капель.

— Что стряслось? — с тревогой спросила она, хотя и так все поняла. А что тут понимать? Где Гуськовы, там или мордобой, или поножовщина. Чем именно занимались Гуськовы, никто не знал, но слава в селе о них ходила недобрая. Ничего хорошего от их визита Полина не ждала. И злилась на себя за то, что не могла, не умела выставлять за дверь таких вот пациентов. Отвадить бы их раз и навсегда!

— Ты посмотри, Петровна, Игорьька. Так, ничего особенного — царапина... Но перевязать все ж не помешало бы...

— Что ж вы из-за царапины людей среди ночи поднимаете? — усмехнулась женщина и приказала: — Стаскивай тулуп!

Осмотрев рану, с упреком проговорила:

— Разуй глаза, Павел! «Царапина»! Вы мне кровищи полон коридор натащили. А ты — царапина!

— Да ладно тебе, Полин, не ругайся. Дело молодое, на Игорььке как на собаке заживет... Ты только перевяжи, сделай как положено.

— У него рана нешуточная, в больницу надо! Крови наверняка много потерял, — снова внимательно вглядываясь в располосованный бок, заключила женщина.

Услышав о себе такие новости, Игорь побледнел, начал заваливаться в сторону.

Павел проворно подставил брату табурет.

— Пустяки... Какая больница, Полин, ночь на дворе! Да и в больнице, сама понимаешь, канитель поднимется. Менты, то-сё... А нам это надо? Нам это не надо.

4 Полина мыла руки, доставала бинты, йод, вату, но при этом начинала злиться на себя. И

на них — Павла, Игоря, на других таких же, не понимающих, что она уже не может их принимать. Она теперь не врач, не фельдшер — вообще никто! После того как фельдшерский пункт в Завидове закрыли, а ее должность сократили. Ей хоть на заборе пиши: не принимаю! Вот объясни им, на что они ее толкают!

— Да меня под суд могут отдать за эти ночные приемы! — ворчала она, обрабатывая рану. — Ни в одном медучреждении не числюсь, а вы не понимаете!

— Мы понимаем, Полин! Ты у нас одна на всю округу! — соловьем разливался Павел. — Мы для тебя — все! Только скажи...

Рана Игоря действительно оказалась неглубокой. Но страху он натерпелся. И едва балансировал на грани сознания.

— Жить будешь, — усмехнулась Полина. — Чего скис?

На всякий случай достала нашатырь. Вот ведь как получается — она из-за таких ночных посетителей даже от собаки вынуждена была отказаться. Рыжего Полкашу отдали отцу, и пес теперь скулил, через забор завидев хозяйку. А иначе нельзя. Как поднимется он на Полининых посетителей, а за ним вся улица. Лай до звезд! А звезды над Завидовом чистые висят, глазастые. Глядят с неба на всю эту канитель и удивляются. Да разве она сама-то себе не удивляется? Ведь думала уже: «Сколько так может продолжаться?»

— Последний раз! — услышала она истовое заверение Гуськова-старшего и поняла, что спросила вслух. Гуськов-младший только скрипел зубами от боли и испуганно следил за ее руками.

— В больницу надо, — повторила она. — С такими ранами не шутят. А если кровотечение возобновится? Вы хоть представляете, что может быть?

— Если возобновится, тогда — да. Тогда — конечно! — истово заверил Павел. Но Полина знала — он себе на уме. Не понимала она этих Гуськовых никогда и, наверное, уже не поймет. Живут бирюками, ни с кем в селе не общаются. Забор такой вокруг дома выстроили, что поневоле заинтересуешься — что за ним может твориться?

Перевязанный Игорь сидел не шевелясь, моргать боялся. Его окровавленная рубашка валялась у ног. Павел порылся в кармане шубняка и вытащил несколько смятых сторублевок, положил на стол.

— Убери деньги. Не надо, — не глядя, строго сказала Полина.

— Бери, Петровна. Ты одна сына поднимаешь, сгодится.

— Не возьму. Ты лучше пообещай, что Ирму свою ко мне в театр отпустишь. У нас фестиваль скоро, в район поедем выступать. Она мне нужна.

— Нашла артистку! — засмеялся Павел неискренне. Полину передернуло. — У нее дома дел полно, ребенок маленький. А ты ее в клуб зовешь — хвостом крутить!

Павел не церемонился. Ничего другого она и не ждала. И вдруг злость ее взяла. Скомкала она сторублевки и засунула в карман Павлова шубняка.

— А у меня, значит, дел нет, что вы меня среди ночи поднимаете?! Вам, значит, надо?! А как мне понадобится, так это ничего? Обойдусь? Я, выходит, в клубе хвостом кручу? Я виновата, что фельдшерский пункт закрыли и мне работать больше негде, кроме как в клубе? Вот, значит, как вы рассуждаете? — Полина покраснела от злости и обиды. — Ну вот что! Выметайтесь оба! И на перевязку меня не зови! А жену свою можешь на цепь посадить! Может, любить крепче станет!

Полина схватилась за полотенце, словно собиралась отходить им непрошенных гостей.

Павел смотрел на нее, прищурившись, и прикидывал что-то в уме. А Игорь оторопел от ее напора, обернулся к брату:

— Да ладно, Паш, отпусти Ирму, пусть выступит. Что ей сделается? Нужно помочь Полине...

Полина отвернулась, делая вид, что смертельно обиделась. Павел мялся возле стола.

— Да я ничё... Я скажу ей. Если захочет — пусть идет. Только ты это... ты завтра-то приходи с утра, проведай Игоря. Мало ли что...

Полина, нахмурившись, молчала, то и дело взглядом натываясь на окровавленную рубашку Игоря. Да, конечно, прав Павел, ей деньги нужны, но брать у Гуськовых она не собирается. Ирму жаль до слез. Она выросла у Полины на глазах, а теперь живет, как птица в клетке. Угораздило ведь так вляпаться! Больше всего сейчас Полина хотела, чтобы они ушли. Потому что не желала думать о том, что наденет на забинтованное тело Игорь Гуськов вместо своей мокрой от крови рубахи. Ей все равно. Хотят резать друг друга — их дело. Она спрятала глаза и стала вытирать мокрой тряпкой стол. Но Павла она недооценила. Тот словно мысли ее прочитал. Как только она повернулась спиной к гостям, показывая, что разговор окончен и она свое дело сделала, он сладеньким таким голосом сказал:

— Полин, рубаху-то Игорек попортил малость... Мы, конечно, на машине, не замерзнет, но... как бы это... мать не напугать. Прикрыть бы перевязку-то... Ты бы дала нам какую-никакую рубаху старую... Николая твоего покойного...

Вот тут Полина не сплеховала! Тут она готова была и потому — непреклонна!

Она подняла голову и посмотрела Павлу в лицо. На нем застыло выжидательное, почти подобоострастное выражение. Но внутри его

глаз таилось полупрезрение-полужалость, и Полина это видела. Она ответила тихо, но оттого и особенно твердо:

— Извини, Павел, но Николая вещи — для меня память. И тебе я ничего из его одежды не дам. Он боролся за жизнь, он ценил, а вы, как... как... — Она почувствовала, что не сможет закончить мысль, что голос сразу же перестал ей подчиняться, что ничего не втолкуешь этим непутевым здоровым бугаям, которые без конца играют с жизнью в русскую рулетку и — хоть бы что, живут. А ее Николай никого никогда пальцем не тронул и все же...

— Ну, извини, Полин, я все понял, — пятясь спиной к двери, пробормотал Павел. — Я это так. Думал — столько лет уж прошло... Ну что ж, я понимаю... Спасибо тебе. Ты, если чё нужно, не стесняйся, мы за тебя горой, ты помни...

— Я сказала уже, что мне нужно.

— Ну, я понял. Придешь на перевязку-то?

— Приду.

Полина с облегчением закрыла дверь за ночными гостями и вернулась в тепло комнаты. Прошла мимо спящего Тимохи, едва не задев. Не привыкнет никак, что сын вымахал такой длиннющий, что ноги его на диване теперь не умещаются. Приходится обходить.

В спальне открыла шкаф, постояла. Достала первую попавшуюся вещь Николая — теплую байковую рубашку. Из тех, что он носил дома зимой. Сразу представился он в этой рубахе... Почему-то Николай возник из памяти босым, распаренным после бани. Ворот и рукава рубахи расстегнуты. В руках большая синяя чашка с чаем. А на столе тарелка с пирожками. Николай любил сладкие пирожки. Как ребенок.

Воспоминание потекло горячим в груди.

8 На секунду прижала рубаху к щеке. Пахнет?

Пять лет прошло, а она готова поклясться — запах сохранился. Перебирает его вещи и чувствует запах.

Да знает она не хуже других: на сороковой день принято раздавать вещи покойного. На помин. А она не смогла. Нарушила обычай. Сохранила все Колины вещи, спрятала в шкафу. Только теперь, когда Тимоха подрост, стала понемногу выдавать ему отцовы рубахи. А в душе при этом всякий раз что-то такое царапается.

Вспомнила: нужно вернуться, замыть в сенях кровь. Проходя мимо сына, снова едва не задела его ноги. Остановилась, поправила одеяло. Залюбовалась. Худой Тимоха и длинный — в отца. Всего четырнадцать парню, а уже деда перерос. Трудно одного сына поднимать, но ничего, она справляется. Все у него есть, не хуже, чем у других, — и одежда, и музыка, и мотоцикл. Вырос парень не шалопаем каким-нибудь, во всем матери готов помочь. А если и его вот так какой-нибудь Игорь или Павел в бестолковой драке — ножом?

Полина даже рукой взмахнула на себя. Мысль эта так ее напугала, что она торопливо отошла от сына, нырнула в кухню, чтобы даже мысли дурной возле парня не осталось. Вымыла кухню, сени. Теперь, понятное дело, не уснуть — разгулялась. Оделась, вышла во двор. Светло от луны и снега, и дорожку бурую, что с Игоря накапала, видно здорово. Взяла снеговую лопату, набросала снега, притоптала.

Ночь стоит тихая, ясная, морозная. В конце улицы, у Кузминых, лениво брешет псина, но ни одна соседская не вступает в прения. Благодать в природе такая, что не умещается в голове: как можно с ножом один на другого? Из-за чего? Да скорее всего к слову прицепились, и пошло-поехало.

Жизнью люди не дорожат. Здоровые, молодые, сильные. И ведь заживет на Игоре, она

уверена, максимум за неделю. И ничего не будет. Так почему такая несправедливость? Почему Коля-то в тридцать пять?..

Мысли завели ее туда, куда она совершенно не собиралась. Звезды в вышине завибрировали мелко и стали расплываться. От слез. Не могла она вспоминать о нем просто так — без слез.

А ведь когда случилось — плакать не могла. Только сидела, раскачиваясь, на табуретке, напрасно пытаясь унять внутреннюю боль. А соседки все хотели остановить ее, не дать качаться. Глупые, они не понимали, что так ей словно бы легче... Два года она была — сплошной комок боли. Два долгих года. Потом стало вроде как отпускать ненадолго, хоть временами. А потом она научилась жить с этой болью, приспособилась к ней, как люди приспособливаются к костылям или же к инвалидной коляске. Из своей прожитой жизни она научилась извлекать только светлые, теплые, как молоко, воспоминания. Иногда ей казалось, что жизнь идет, а воспоминаний не прибавляется. Они остановились, когда не стало Коли. И сама она словно замерзла в то лето. Колина смерть ее заморозила.

Полина смела снег с валенок, вернулась в дом.

Ирма открыла глаза. За окном было еще темно, но в щель под дверью сочился свет из коридора. Она привычно прислушалась. Дом был наполнен обычными утренними звуками: где-то журчала вода, внизу звенела посуда, кто-то ходил по коридору и лестнице. Ее интересовало одно: ушел ли Павел?

Словно в ответ на ее мысленный вопрос дверь открылась, и в проеме вырос муж — побритый, с мокрыми каплями на майке. Ирма не успела притвориться спящей. Павел потянулся, хрустнули суставы. Ирма заметила свежую ссадину на

скуле. И правая рука! Костяшки пальцев были разбиты.

— Чего разлеживаешься? — бросил муж вместо утреннего приветствия. — Все уже встали.

— Доброе утро, — отозвалась Ирма, намеренно не поддаваясь на провокации мужа.

— Для кого и доброе, — буркнул Павел и щедро полил себя лосьоном после бритья. Тут же брови его полезли вверх, глаза распахнулись. Он забыл про свежую ссадину. — О-о! — завопил он. — Подуй скорее! — И подставил щеку.

Ирма послушно подула. Теперь уже нельзя было не спросить, и она спросила:

— Откуда это у тебя? Подрался?

— Пришлось... поучить кое-кого. Кстати, постирай вот это.

И он кинул ей скомканную рубашку в бурых подсохших пятнах.

— Чья это? — опешила Ирма.

— Чья-чья, — передразнил муж. — Игоря. И чтобы мать не видела! Завтрак ему сама отнесешь. Матери скажешь, что грипп у него.

Ирма пожала плечами. Она знала — расспрашивать бесполезно. Муж никогда не рассказывал ей о своих делах.

— Можно подумать, мать слепая, не догадается.

— Догадается — ее право. А ты делай, что тебе велят, и поменьше рассуждай!

Ирма встала, стянула со спинки стула пеньюар перламутрового цвета. Обошла кровать, взяла расческу и с тоской подумала о том, что нужно начинать день. Спускаться вниз, включаться в дела мужниной родни, разговаривать с его матерью, сестрами. Нужно делать вид, что ты всем довольна, что все хорошо, что тебе все это интересно.

— Хороша! Ну просто модель! — прищелкнул языком Павел, и Ирма заметила, что он наблюдает за ней. Что уж он имеет в виду? Хвалит ее красоту или издевается?

— Тебе не нравится мой пеньюар? Я не сама его выбирала, ты же знаешь. Мама из Германии прислала.

— Я помню, что это подарок из Германии. А почему мне должно не нравиться? Нравится. Главное, чтобы никому, кроме меня, больше не понравилось. Поняла?

Павел приблизил к ней лицо, она отчетливо увидела знакомое выражение его водянистых глаз. В затылке похолодело. Но она постаралась не выдать свое состояние. Ответила как ни в чем не бывало:

— По-твоему, я в этом пеньюаре по улице пойду?

— Только попробуй...

Губы Павла вытянулись в узкую полоску, его улыбка заставила ее отвернуться.

Ирма убрала окровавленную рубашку деверя с постели. Случайно натолкнулась взглядом на отражение Павла в зеркале. Он, словно хищник, все так же наблюдал за ней. Она не знала, что говорить, куда себя деть. Ей только безумно хотелось, чтобы он поскорее ушел.

Она вошла в ванную и включила воду. Умылась, слушая, как по лестнице спускается муж. Посмотрела на себя в зеркало. А она ведь избегает смотреться в зеркало! Давно ли? Это открытие напугало ее. Она постаралась переключиться на мысли о дочке, но думалось другое. Когда же это произошло? Ведь там, в прошлой своей жизни, Ирма подолгу могла смотреть в зеркало, искать в нем приметы красоты, в которой ее исподволь убеждали окружающие. Лет до пятнадцати она ощущала себя

12 нескладухой, состоящей сплошь из острых

углов. Отец звал ее колоском — то ли за цвет волос, то ли за невероятную худобу. А потом что-то в ней изменилось, причем довольно быстро, за одно лето. Мать говорила, что Ирма расцвела. Соседки, стремясь угодить матери, называли Ирму красавицей. Мальчишки при ней стали вести себя не так, как обычно. Вечерами на лавочке каждый старался сесть поближе, угостить чем-нибудь. В то время она и полюбила смотреть в зеркало. Она искала в нем приметы той самой красоты, о которой твердили окружающие. И — находила. На узком ее лице, не тронутом веснушками, ровно вырисовывался тонкий нос — без горбинки, без курносинки. Глубоко посаженные глаза красиво гнездились под ровными дугами бровей — как у певицы Валерии. Вся бывлая угловатость и худоба вдруг обернулись хрупкостью и нежной грациозностью. Ей стали поручать роль ведущей на школьных вечерах, а в 11-м классе даже довелось поучаствовать в конкурсе «Мисс Губерния», где она стала третьей среди красавиц. Дядька из жюри потом объяснил ей, что она не стала первой только потому, что у нее не славянский тип красоты.

Конечно, не славянский. Они же немцы. Поволжские немцы, которые с незапамятных времен жили в России. После перестройки многие из них дружно потянулись на историческую родину...

Умывшись, Ирма вернулась в спальню. Павла там уже не было. Она сняла пеньюар и убрала в шкаф. Мать и сестры выбрали такой красивый, чтобы ее порадовать. Они всегда присылали ей очень красивые вещи, полагая, что она будет их носить. Они ничего не знали о ее жизни.

Ирма натянула спортивные брюки и футболку. Спустилась вниз, на кухню. Газовая плита уже была заставлена кастрюлями и ско-

вородками. Свекровь стояла на боевом посту — раскатывала тесто.

— Доброе утро, — бросила Ирма, наливая чай из огромного эмалированного чайника.

— Как же! Доброе! — скривилась свекровь, ловко орудуя скалкой. — Всю ночь печенка мучила. Мочи нет как болела...

— Давайте я раскатаю... — Ирма жалобы свекрови поняла по-своему. Но та и бровью не повела на предложение помощи. Работа на кухне не доверялась никому. Тем более — Ирме.

Свекровь раскатывала тесто с самым серьезным выражением лица.

— Игорь, кажется, загрипповал. Надо бы ему завтрак собрать, — доложила Ирма, с интересом ожидая, сработает ли план Павла. Ведь свекровь могла пойти проведать сына, принести лекарство, заставить его измерить температуру.

Но Павел хорошо знал свою мать.

— Я соберу, а ты отнеси. А потом и в аптеку сходи, купи «Антигриппину».

План Павла сработывал. Мать не войдет в комнату Игоря. Не станет она рисковать подцепить опасный вирус, когда дома полно менее важных домоладцев.

Ирма пила чай и наблюдала за свекровью. Та набросала на тарелку пирожков, крупно нарезала колбасы, сыра. Налила большую кружку чая и поставила все это на поднос. Оглядев результат своих усилий, она отвернулась и забыла о нем. Свекровь знала, что указание будет исполнено в точности, и не собиралась на больного сына тратить ни грамма своей души. Да и была ли у свекрови душа? Ирма в этом сильно сомневалась. За пять лет, проведенных в этом доме, она так и не привыкла к отношениям,

14 царящим здесь. К порядкам приспособилась,

а к отношениям — нет. Семья Гуськовых держалась единым клубком. Женились, приводили жен и мужей в дом. Никто не отделялся, никто не уезжал в город. Сначала, когда свекор был жив, он стоял во главе клана — распределял средства, руководил делами. Когда свекор умер, его место занял Павел. Он вел бизнес семьи, хотя Ирма не могла сказать, в чем именно заключался этот бизнес. Однако деньги в семье всегда водились, и, что бы ни случилось, жизненные передраги касались или всех, или никого. Например, когда у сестры Павла, Людмилы, умер муж, оставив двоих сирот, ни на детях, ни на самой Людмиле потеря кормильца не отразилась. Оба ребенка учились теперь в платных колледжах, и платил за них Павел из общего бюджета. Несмотря на такую сплоченность, в семье не было тепла. И далеко не дружбой определялись ее устои. Попав сюда и усвоив новый для себя порядок, Ирма поняла: центром дома является кухня, где верховодит свекровь.

Макаровна готовила еду с неизменно мрачным, неприступным выражением лица, и поначалу это выражение Ирма принимала на собственный счет, терялась и кидалась на помощь. Потом поняла — так поступать не следует, свекровь не терпит вмешательства в свои дела. Она всегда единолично решала, что готовить и как. На плите обычно стояли большие кастрюли с едой, на столе — блюдо с пирожками, в углу разделочного стола обязательно присутствовал огромный термос с горячим чаем. В течение дня здесь постоянно кто-то обедал, пил чай. Причем часто никого из них Ирма не знала.

«Это люди Павла», — объясняла свекровь с важностью и, как капитан корабля у штурвала, стояла у плиты с половником наперевес.